

Наследный принц, очевидный наследник престола, будущий император – желать его жизни было равносильно убийству монарха, измене. Если бы они были разоблачены, то в наказание за это серьезное преступление были бы казнены все их родственники до девятого колена. Их было только двое: серьезно больной и умирающий мужчина и супруга-мужчина, запертый во внутреннем дворе. Даже получить аудиенцию во дворце было нелегким делом, не говоря уже о том, чтобы попасть в расположенный глубоко внутри Восточный дворец и приблизиться к наследному принцу, за которым повсюду следовали теньевые стражи.

Возможно, они просто берутся за непосильную задачу*, следуя по пути, который вел к их гибели. Но Лу Ваньчэн хотел смерти Сяо Чэна, и Линь Цинъюй также хотел этого, поэтому они собирались сделать это. Дворцовые служанки предыдущих династий могли тайно убить спящего императора, так почему же они не могли лишить жизни простого принца?

[Примечание: 一擲千鈞 / yī zhān qiān jūn. Пытаться разбить камень яйцом. В образном значении: пытаться проломить стену головой, браться за непосильную задачу; обречь себя на заведомое поражение; попытка с негодными средствами; лезть на рожон.]

До этого Линь Цинъюй никогда не думал о нападении на принца. Самое большее, его занимали мысли о том, чтобы пойти против императрицы. Принц не имел никакого отношения к этому браку и, следовательно, не был в его списке мести. Но предложение этой недопитой чаши вина сегодня в Цзиньсю Сюане вызвало у него настоящее отвращение.

Как мужчина, он, естественно, знал, что имел в виду наследный принц, ведь его взгляды ничего не скрывали. Быть замужем за Лу Ваньчэном как супруга-мужчина – это одно, совсем другое – если кто-то другой осмелится взять его силой. Даже если бы этот кто-то был наследником престола и будущим императором, это было то, чего он никогда бы не смог принять.

Лу Ваньчэн был все еще жив, так что дабы не нанести удара по чести и достоинству Наньань Хоу, Сяо Чэн не сделает ничего чрезмерного. Как только Лу Ваньчэн умрет от болезни, Сяо Чэн, скорее всего, воплотит свои замыслы относительно его. Вместо того чтобы сидеть на месте и ждать смерти, лучше было перехватить инициативу, ударив первым.

На первый взгляд он помогал Лу Ваньчэну, но на самом деле тот помогал ему.

Лу Ваньчэн чувствовал тепло рук Линь Цинъюй и слабый запах книг на его теле, и постепенно его дыхание успокоилось. Некоторое время, если не считать шума ветра и дождя, они вдвоем могли слышать только дыхание друг друга.

Именно тогда в панике и волнении к двери кабинета подбежал Хуань Тун, найдя их двоих. Ранее он обнаружил, что дверь спальни открыта, и молодой мастер Хоу, который должен был спать мертвым сном на кровати, пропал без вести, а его инвалидное кресло осталось в комнате.

Хуань Тун вздохнул с облегчением и спросил: «Что молодой мастер Хоу делает в кабинете? Вы даже не взяли инвалидное кресло...»

Линь Цинюй успокоился и сказал Лу Ваньчэну: «Ты не должен простудиться. Я отнесу тебя обратно в комнату».

В прошлой жизни Лу Ваньчэна заговоры и убийства в погоне за богатством были чем-то таким, что никогда не могло случиться с ним. Когда он услышал это предложение, то все еще был взволнован принятием твердого решения, и его эмоции мгновенно стали еще более бурными, но характер волнения изменился. Он недоверчиво сказал: «Ты понесешь меня?..»

«Угу».

Лу Ваньчэн был настолько слаб, что, хотя Линь Цинюй никогда не тренировался, он был нормальным здоровым человеком – пройти несколько шагов с Лу Ваньчэном не составило бы большого труда.

Линь Цинюй схватил Лу Ваньчэна за руку и положил себе на плечи, сказав: «Держись крепче».

...Понесет на руках как принцессу?

Лу Ваньчэн резко отдернул руку: «Нет, нет, нет. Кха-кха, я могу вернуться сам».

Линь Цинюй с первого взгляда понял, что бесполезное мужское эго Лу Ваньчэна снова подняло голову, и сказал: «К тому времени, как ты самостоятельно вернешься, солнце уже выглянет из-за горизонта».

Ранее, когда он прошел весь путь от спальни до кабинета, Лу Ваньчэн почти ничего не почувствовал. Но теперь он понял, что у него действительно не осталось ни капли сил, было трудно даже просто встать. Он был вынужден пойти на компромисс: «Тогда пусть Хуань Тун отнесет меня обратно».

В спальне двери и окна были закрыты, чтобы не пропускать ветер и дождь. Хуань Тун подождал, пока молодой мастер Хоу переоденет промокшую от дождя одежду для сна. Лу Ваньчэн лежал на теплой и сухой постели, его лицо все еще было бледным как бумага, а во рту стоял запах крови.

Хуа Лу сварила немного отвара имбирного корня, и Лу Ваньчэн с отвращением на лице допил его. Он заставил Хуань Туна и Хуа Лу уйти, оставшись наедине с Линь Цинюем.

Линь Цинюй ушел в кабинет только после того, как Хуа Лу сказала, что молодой мастер крепко спит. В таком случае, Лу Ваньчэн, должно быть, очнулся ото сна, а затем без раздумий бросился в кабинет.

Линь Цинюй присел на край кровати и спросил: «Тебе приснился кошмар?»

«Ты знаешь даже это. — Голос Лу Ваньчэна вернулся к его обычному расслабленному и спокойному тону: — Мне приснился кошмар, и я был до смерти напуган».

«Какой кошмар?»

Лу Ваньчэн ничего не сказал, просто молча посмотрел на него, как бы подтверждая, что человек перед ним действительно был цел и невредим. Через некоторое время он улыбнулся и спросил: «Ах, только что я был действительно уродлив? Я выглядел очень жалко?»

Линь Циньюй сказал правду: «Ты действительно выглядел жалко, но не был уродлив». С темпераментом Лу Ваньчэна, даже если его лицо будет обезображено, он, вероятно, никогда не будет уродлив.

Лу Ваньчэн цыкнул и сказал: «Как досадно. Перед тобой я хотел выглядеть круто».

Пробыв с Лу Ваньчэном долгое время, Линь Циньюй постепенно научился приспосабливаться к незнакомым словам, которые тот просто внезапно извергал из ниоткуда. Он делал вывод о том, что Лу Ваньчэн хотел выразить в соответствии с контекстом речи. Слово «крутой» должно означать что-то вроде «уверенного и выдающегося».

Линь Циньюй сказал: «Я только что подумал, что ты очень крут».

Лу Ваньчэн был поражен. Он очень медленно скользнул в свою кровать, схватил одеяло и закрыл лицо.

После этой ночи в кабинете сговор с целью совершения плохих поступков включал двух человек.

Познай себя и познай своего врага; и ты выйдешь победителем в каждой битве. Понимание Линь Циньюй Сяо Чэна ограничивалось их двумя встречами, и его впечатление о нем можно было выразить одним словом – маслянистый. Хотя Лу Ваньчэн номинально был двоюродным братом Сяо Чэна, он мало общался с тем, потому что был постоянно прикован к постели. Но Лу Ваньчэн, казалось, был очень хорошо знаком с Сяо Чэном, особенно в том, что касалось его личных дел и мелких деталей.

Линь Циньюй попросил Лу Ваньчэна перечислить все, что он знал о Сяо Чэне. Тот долго размышлял и сказал: «Обычными выражениями лица Сяо Чэна являются „губы, изогнутые в усмешке“, „с улыбкой, которая была не совсем улыбкой“, „проводит языком по щеке“ – как будто щели между его зубами набиты луком-пореем. Когда он говорит, то, в основном, делает это „медленно и неторопливо“ и „оставаясь спокойным и хладнокровным при решении неотложных дел“. Всякий раз, когда возникают разногласия, он любит держать людей за подбородок и говорить... — Лу Ваньчэн намеренно понизил голос, подражая тону Сяо Чэна: — Посмотри на нас*».

[Примечание: □ / gū. Мы (-я), наш (-мой). Мы, используемый феодальными князьями]

Линь Цинъюй: «...»

«Снаружи он – решительный, безжалостный и бесчувственный Его высочество наследный принц. Но перед своей возлюбленной его глаза становятся теплыми, он говорит низким и хриплым голосом: „Поцелуй меня – и я отдам тебе свою жизнь и страну“. Твою мать, это так жирно, он мог бы открыть чертов магазин по продаже жира, просто король жира».

Линь Цинъюй: «...»

«Кстати, он также любит давать прозвища людям, которые ему нравятся. У людей, очевидно, есть имена, но он их не использует. Эх, он забавляется, называя других „малышом“, „младшей сестричкой“, „младшим братиком“...»

Линь Цинъюй прервал его: «Хватит. Ты не можешь сказать что-нибудь полезное?»

Лу Ваньчэн улыбнулся и сказал: «Я уже сказал самую полезную вещь».

Линь Цинъюй на некоторое время задумался: «Принцесса Цзинчунь?»

Лу Ваньчэн щелкнул пальцами.

«Ты такой сообразительный! На самом деле, это очень банальная история: Сяо Чэн и Цзинчунь встретились во дворце, когда были детьми. Они были друзьями детства, невинными товарищами по играм, но она была всего лишь служанкой. Как она может быть достойна быть супругой принца? Так что эти двое могли общаться только тайно. Позже королю Севера приглянулась Цзинчунь, и император даровал им брак. В то время Сяо Чэн еще не был наследным принцем, и перед императором он не смел и пикнуть... То есть он не осмеливался быть опрометчивым и мог только наблюдать, как Цзинчунь выдали замуж и увезли далеко от столицы. С тех пор он мог только искать двойников Цзинчунь, чтобы успокоить свое сердце».

Линь Цинъюй спросил: «Поскольку отношения между ними были секретом, тогда как ты узнал?»

Лу Ваньчэн сказал: «Естественно, у меня есть свои источники. Просто поверь мне».

«Тогда чем я похож на Цзинчунь?»

«Глаза. У Цзинчунь под левым глазом родинка. Многие служанки и слуги Сяо Чэна более-менее похожи на Цзинчунь».

Линь Цинюй сказал: «Значит, если я испорчу свои глаза, Сяо Чэн потеряет ко мне интерес?»

«Может быть, — сказал Лу Ваньчэн, — но не делай этого. Мне нравятся твои глаза, такие, какие они есть».

«Конечно, я ничего не сделаю. — Усмехнулся Линь Цинюй. — Даже если мне плевать на лицо, я не хочу причинять себе боль из-за этого сукиного сына».

Что толку было «наносить врагу тысячу урона ценой восьмисот для себя»? Чего он хотел, так это остаться невредимым, наблюдая, как враг страдает от всевозможных мучений, когда его жизнь хуже смерти, и тот молит о пощаде, крича от боли.

Сяо Чэн питает глубокую привязанность к принцессе Цзинчунь, которая была выдана замуж далеко отсюда... Что они могут с этим сделать?

Они оба погрузились в размышления. Вскоре после этого служанка из Павильона Спящей Луны пришла навестить шаоцзюня, сказав, что ей нужно кое-что сообщить. Когда Линь Цинюй вызвал ее, девушка сказала: «Сегодня рано утром мадам увела вторую молодую леди из дома и вернулась только ближе к вечеру. Иньян попросила меня найти помощника смотрителя стойл, и я узнала, что мадам и вторая молодая леди отправились во дворец и взяли с собой много роскошных подарков. Затем я пошла к управляющему хранилищем, и тот сказал, что мадам ничего не брала. По всей вероятности, эти подарки были взяты из приданого самой мадам».

«Я понимаю, — сказал Линь Цинюй. — Возвращайся и поблагодари Иньян от моего имени. Она была очень внимательна».

На этот раз во время своего визита во дворец Лян Ши и Лу Нянтао не хотели привлекать к себе внимание. Не так давно они втроем ходили во дворец, чтобы выразить свое почтение и поблагодарить императрицу. Более того, императрица отнеслась к матери и дочери с прохладцей. Неужели на этот раз они посетили дворец, чтобы заручиться благосклонностью императрицы?

Когда Линь Цинюй высказал свои мысли, Лу Ваньчэн сказал: «Прошёл не один год с тех пор, как Лян Ши вышла замуж за Наньань Хоу. Если бы она могла завоевать благосклонность императрицы, то уже давно бы это сделала, так зачем же ей ждать до сих пор?»

Линь Цинюй кивнул в знак согласия.

«Значит, подарки не для императрицы, тогда они для кого-то другого».

«Во дворце императрица - не единственная хозяйка».

Когда женщина входила во дворец, помимо посещения дворца Фэньи, она также могла иногда

приходить, чтобы засвидетельствовать свое почтение любимой наложнице императора.

Они посмотрели друг на друга и одновременно сказали: «Чэнь Гуйфэй».

Линь Цинюй вспомнил, как в тот день Лян Ши и Лу Няньтао смотрели на наследного принца во дворце Фэньи. Потерявшая доверие мужа Лян Ши лишилась права управлять резиденцией, ее сын стал импотентом и, видя, что жизнь в резиденции Хоу становится невыносимой, она решила поискать покровителя снаружи.

Императрица была недовольна ее статусом второй жены и не хотела помогать. В гареме, помимо императрицы, самой влиятельной персоной была родная мать наследного принца Чэнь Гуйфэй. Наньань Хоу всегда был чрезмерно осторожен в суде. Он приходил и уходил один и никогда не участвовал ни в каких спорах фракций. Если бы он знал, что Лян Ши тайно угождает Чэнь Гуйфэй, то точно пришел бы в ярость, поэтому они не смели открыто ехать во дворец, а ускользнули незаметно.

Восточный дворец наследного принца, дворец Фэньи императрицы, дворец Чанлэ Чэнь Гуйфэй... и Лян Ши с Лу Няньтао.

«Ваньчэн. — Линь Цинюй медленно сказал: — Я хочу посетить резиденцию Линь».

Даже не задумываясь, Лу Ваньчэн сказал: «Хорошо, когда?»

«Сейчас».

«Пойдем вместе».

Когда Линь Цинюй собирался отказаться на основании «Не выходи на улицу, когда ты болен», то услышал, как Лу Ваньчэн сказал: «Я хочу попросить тестя узнать, сколько у меня осталось времени».

Линь Цинюй поколебался мгновение, а затем кивнул.

Ему было все труднее контролировать состояние Лу Ваньчэна. Каким бы талантливым юноша ни был, он действительно больше не знал... что делать.

В мире было только два знакомых ему человека, чьи медицинские навыки превосходили его собственные – учитель и отец. Рецепт, который он использовал, чтобы продлить жизнь Лу Ваньчэна, был дан его отцом. У отца могут быть другие способы выиграть больше времени для Ваньчэна.

В богатых семьях жене нужно было бы получить одобрение мадам, если она хотела вернуться в

дом своих родителей с мужем. Теперь, кроме Наньань Хоу, Линь Цинюй был единственным, кто отвечал за домашнее хозяйство. Ему не нужно было никому говорить – он просто шел, куда пожелает. Однако, поскольку он хотел взять с собой Лу Ваньчэна и на несколько дней остаться в резиденции Линь, ему все равно нужно было символически получить согласие Наньань Хоу. Он сказал, что хочет отвезти Лу Ваньчэна в резиденцию Линь для лечения, и Наньань Хоу, зная, что медицинские навыки Линь Пань Юаня не имеют себе равных, естественно, согласился.

Поэтому Линь Цинюй, молодой мастер Хоу вместе с Хуань Туном и Хуа Лу отправились в резиденцию Линь.

Его поездка домой на этот раз была очень внезапной, что стало большим сюрпризом для его родителей и младшего брата.

Линь Цинхэ все еще помнил Лу Ваньчэна, старшего брата, которого видел всего один раз. С невинностью ребенка он сказал: «Ваньчэн-гэ, ты сильно похудел».

Выражение лица матушки Линь слегка изменилось. Сидя в своем инвалидном кресле, Лу Ваньчэн улыбнулся.

«А Сяо Цинхэ стал намного выше».

Линь Цинхэ был так смущен, что спрятался за спину матери. В конце концов, эти двое были братьями, Линь Цинхэ и Линь Цинюй выглядели очень похожими. Глядя на него, Лу Ваньчэн имел удовольствие посмотреть на уменьшенную версию Линь Цинюй.

Мать Линь вздохнула с облегчением, и с улыбкой сказала: «Ты вернулся как раз вовремя. Если бы ты хоть немного опоздал, твой отец уже уехал бы».

«Уехал? — Линь Цинюй посмотрел на отца Линя. — Куда едет отец?»

Отец Линь сказал: «Юнлян».

Юнлян расположен к северо-западу от Даюй и граничит с Западным Ся. Изначально то было вассалом Даюй, но в последние годы оно постоянно росло и крепло, и теперь его занимали мысли о восстании или о том, чтобы избавиться от контроля Даюй и занять его место.

Линь Цинюй спросил: «Северо-западная граница – это поле битвы, зачем отцу ехать в Юнлян в это время?»

Отец Линь выглядел серьезным, когда сказал: «К сожалению, полмесяца назад на поле боя генерал Гу был поражен ядовитой стрелой. Стрелу извлекли, но остаточный яд не смогли вывести из его тела. Военные лекари и знаменитые лекари в Юнляне были беспомощны и не

знали, что делать. В докладе Его величеству говорилось, что из-за остаточного яда генерал Гу становится все слабее и слабее. Я боюсь, что, если так будет продолжаться и дальше, его будущее будет безрадостным. Император приказал мне немедленно выезжать и, не останавливаясь, мчаться в Юнлянь, чтобы поставить диагноз и вылечить генерала Гу».

Лу Ваньчэн сам умирал, и, естественно, ему было наплевать на жизни других.

«Юнлянь так далеко от столицы. Даже если бы вы ехали без остановок, это займет не менее полумесяца. Не будет ли к тому времени слишком поздно?»

Отец Линь слегка вздохнул.

«Нам придется надеяться, что Небеса благосклонно отнесутся к генералу Гу».

Как сын, Линь Цинюй эгоистично не хотел, чтобы его отец в это время отправлялся на войну. Однако, разве не все под Небесами – земля императора? Как людям Даюй, им придется провести всю свою жизнь, склоняя головы перед императорской властью. Более того, генерал Гу... был человеком, которого стоило спасти.

Линь Цинюй сказал: «Тогда все, о чем я могу попросить, – это чтобы отец был осторожен и во что бы то ни стало берег себя».

Переводчику есть что сказать:

ессо: Хотите маленький спойлер? Только вспомнила, что все уже есть в описании новеллы! В общем, это второе тело нашей соленой рыбы.

<http://bllate.org/book/15122/1336646>